

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dep. 10

Buenos Aires (30) Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXVII

Buenos Aires, martes

14 de Octubre de 1975

Буэнос Айрес, вторник 14 октября 1975 г. № 1337

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

538. СССР НАЧИНАЕТ УСТУПАТЬ ЯПОНИИ В ВОПРОСЕ О КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ. — ВЫСТАВКА АБСТРАКТНЫХ ХУДОЖНИКОВ В МОСКВЕ. — ИСТОРИЯ С ПРОЕКТОМ ПАМЯТНИКА НА БАБЬЕМ ЯРЕ. — ВОЗМОЖНЫЙ НАСЛЕДНИК БРЕЖНЕВА.

Как известно, после заключения перемирия осенью 1945 года все воевавшие против Японии страны, начиная от США, заключили мирный договор, от которого отказался Сталин и потому уже 30 лет между СССР и Японией продолжается перемирие. Обе страны обменялись послами, заключали торговые соглашения, но формального мира нет с Японией, как и с Германией.

Дело в том, что Япония требует возвращения ей 4-х островов Курильского архипелага, подходящих к берегам Японии на расстояние орудийного выстрела. Сталин в свое время заявил, что СССР никогда не уступает завоеванных территорий, хотя бы дело шло о небольшом клочке земли. На той же позиции стояли потом Маленков, Хрущев и Брежнев.

Но теперь положение изменилось в невыгодную для СССР сторону: Япония заключила торговое соглашение с Пекином и новое японское правительство начало переговоры о политическом соглашении между двумя великими державами Дальнего Востока, которое выведет Китай из окружения союзниками СССР: Афганистаном и Индией. Это настолько испугало советскую дипломатию, что СССР впервые предложил уступить два острова: Хабомай и Шикокан.

Один из советников премьера видный дипломат Каучинге Хиросава в интервью в британской печати отметил важное принципиальное значение этой уступки и советует заключить мирный договор, который вернет два острова из четырех.

Однако премьер Мики, недавно пришедшей к власти и имеющей за собой парламентское большинство, продолжает пугать СССР перспективой японо-китайского сближения во всех вопросах дальневосточной политики и продолжает настаивать на уступке двух других островов Кунашири и Эторофу, не соглашаясь идти на предлагаемый Громыкой компромисс.

Полагаю, что СССР уступит все четыре острова. СССР, столь неуступчивый в территориальных европейских проблемах, оказался уступчивее в проблемах Дальнего Востока. В свое время Хрущев, придя к власти, уступил Пекину Порт-Артур, дорогой нам по историческим воспоминаниям о его героической семимесячной обороне, ничего взамен не получив, а теперь уступаются ближайшим к Японии Курильские острова и спор идет только о том, сколько островов уступить: два или четыре?

Советская дипломатия несет поражение на разных участках дипломатической арены: она дала вытеснить себя из Египта и Судана, где затронула столько военных сил и денежных и технических средств. Достаточно вспомнить постройку на советские деньги подсоветскими же инженерами Асуанской плотины. Немало средств было вложено и в создание военной и промышленной мощи коммунистического Китая, как 40 лет назад на создание военной мощи правительства Гоминдана. Все это за счет каторжного труда русского народа.

Любопытные инциденты произошли в Москве на открытии разрешенной после

целого года хлопот выставки художников абстрактного искусства, не признающих «социалистический реализм».

За неделю до открытия выставки произошел во Владимире неприятный инцидент. Художник Эдуард Зеленин хотел приехать в Москву для получения в ОБИР-е разрешения на выезд в Голландию, куда он приглашен для выставки своих «абстрактных» картин. Ему было отвечено из Москвы, что паспорт с визой на поездку ему пришлют во Владимир, но затем, накануне дня получения паспорта, его арестовали и предъявили неизвестные обвинения.

Во всяком случае выставка открыта была в 9 часов утра, на нее хлынула толпа, в которой были и сами художники, но через час организовавшие выставку художники объявили, что выставка закрыта и стали снимать выставленные картины одну за другой.

Собравшаяся толпа не расходилась, иностранные журналисты хотели узнать, в чем дело.

Оказалось, что представители Районного Совета, разрешившего выставку, потребовали удаления с нее 36 картин. Тогда устроители в знак солидарности с пострадавшими авторами снимаемых картин, заявили, что снимают свои картины, разрешенные к экспозиции. Такой скандал не входил в план Райсовета, испугавшегося, что ему «нагорит» свыше, если узнают, что открытая выставка через час по открытии закрыта ее организаторами. Поэтому неожиданные

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

Записная Книжка

Октябрь 1975 г.

ЗАГАДКА

В своей, как всегда интересной статье («Наша Страна», № 1333) Алексей Ростов рассказал приезд и пребывание Елены Боннер в Италии. Заслуживают внимания включенные в эту статью сведения о дружбе второй жены А. Д. Сахарова с побывавшей в Москве русской

цензоры начали убеждать художников, что некоторые из картин нельзя выставлять. На это последовали возражения, которые имели частичный успех и число запретных картин постепенно стало уменьшаться. К концу дня пришли к соглашению: вместо 36 картин с выставки удаляются только шесть запретных по своему сюжету. На этих условиях компромисса художники объявили публике и сообщили иностранным журналистам, что на следующее утро выставка откроется рано и на самом деле она была открыта и посетители толпой начали снова ее посещать, интересуясь тем, какие же картины подсоветским гражданам нельзя смотреть. Причиной удаления шести картин явилось обвинение, что они носят антисоветский и филосонистский характер. Последнее верно в отношении картин художника Иосифа Кублицкого «Сад Плача» на которой изображены плачущие в саду евреи, но перед ними не Иерусалимская «стена плача» а здание, смутно напоминающее Московский ОБ

(Продолжение на 2-й стр.)

СОЛЖЕНИЦЫН : С.С.С.Р. НЕ РОССИЯ

Из Цюриха, где он проживает, Александр Исаевич Солженицын бросил поработенным народам Западной Европы призыв к «сплочению, способному повлиять на течение мировых событий». Призыв был обращен к международному собранию политических эмигрантов Центральной и Восточной Европы, открытому 5 октября в Страсбурге.

В своем документе писатель заверил, что «духовное единство народов Восточной Европы является последней надеждой материка». Подчеркнув, что коммунизм «не выдумка одной нации», а «историческая гангрена», Нобелевский лауреат написал: «Благодаря безответственной и безграмотной подмене слова «русский», словом «советский» преступления и замыслы всемирного коммунизма приписываются тому народу, который раньше всех пострадал от этого режима».

САХАРОВ ; УДАР ПО КРЕМЛЮ

Еще в сентябре 1973 года в своем труде «Мир и насилие» Солженицын выставил кандидатуру Андрея Дмитриевича Сахарова на соискание Нобелевской премии мира. К нему вскоре присоединились другие русские писатели и ряд западных политиков и ученых. Довольно неожиданно их петиции увенчались успехом: 9 октября Нобелевский Комитет присудил Премию Мира за 1975 год «отцу советской водородной бомбы», являющемуся после изгнания Солженицына самой видной фигурой антимарксистской оппозиции в СССР. Присуждение этой премии — сильный удар по Кремлю. Советские руководители определили это событие как «новую попытку возврата к холодной войне». Первый русский Нобелевский лауреат премии Мира заявил, что награда положительно отразится на деле политических заключенных Советского Союза. Узнав о решении Нобелевского Комитета автор «Архипелага ГУЛаг» обнародовал следующее заявление: «От всего сердца поздравляю Андрея Дмитриевича Сахарова с Нобелевской премией. В своей борьбе он пожертвовал и годами жизни и здоровьем. Поздравляю также всех угнетенных Советского Союза, чьи права были подкреплены этой премией. Поздравляю Нобелевский Комитет за его подлинное понимание мира и его антитезы — насилия».

эмигранткой, врачом Ниной Харкевич. Подробно описана болезнь Боннер, заставившая ее обратиться к знаменитому итальянскому окулисту, профессору Фредрати. Однако, рассказ Е. Боннер об ее политической деятельности в России содержит две загадки, требующие ответа.

«В сентябре 1973 года, после ареста литературного критика Евгения Барабанова по обвинению в пересылке и передаче за границу произведений Самиздата — сказано в статье А. Ростова со слов Е. Боннер — она явилась в КГБ и заявила, что в этом не видит ничего преступного, ибо сама передала за границу тюремные дневники Эдуарда Кузнецова, считая это своим долгом».

Эти «дневники» — как мы знаем — действительно были кем-то вывезены из СССР и опубликованы за границей. Можно, следовательно, допустить, что Е. Боннер сказала правду, признав свою причастность к их вывозу. Странно, однако, что, находясь в Италии и предполагая — как она утверждает — что возвращение в Москву может ей быть запрещено, она этим вторичным признанием бросает вызов советским «органам государственной безопасности». Вместе с тем, возникает понятное недоумение — как мог Кузнецов, приговоренный к смертной казни за участие в попытке хищения советского самолета несколькими евреями с последующей заменой расстрела 15-тью годами заключения, которое он, по сообщениям «диссидентов», продолжает отбывать, написать в тюрьме книгу и кому-то ее передать для отсылки за границу?

Кто и как доставил Кузнецову бумагу, перо или карандаш? Как удалось заключенному, находящемуся под постоянным наблюдением тюремщиков, вести «дневник», хранить его в камере, скрывать во время обысков, даже в том случае, если его заключение было однократным? Без попустительства тюремной администрации и, следовательно, КГБ это было очевидной невозможностью. Если Е. Боннер отослала за границу рукопись Кузнецова, она была невольной — надо надеяться — соучастницей мистификации, дезинформирующей русскую эмиграцию и свободный мир. Отрицание этого факта было бы равносильно признанию такого развала советского государственного аппарата, о котором говорить не приходится.

Нет в рассказе Е. Боннер ответа и на второй вопрос: что побудило КГБ прибегнуть для устрашения А. Д. Сахарова и самой Е. Боннер к таким методам, как вторжение «арабов» в московскую квартиру Сахарова или угроза убить Ефрема Янкевича, женатого на дочери Боннер от первого брака?

Получившие во всем мире широкую огласку, благодаря контакту Сахарова и Боннер с московскими корреспондентами иностранных газет, эти эпизоды никакого вреда Сахарову, его жене и Янкевичу не причинили, но создали им за границей широкую рекламу. Неужели ее можно объяснить наивностью советской власти? Невольно создается впечатление, что она почему-то в этой рекламе была заинтересована.

Загадка была и остается загадкой. Я знаю, что, утверждая это, навлекая на себя гнев всех тех, кто слепо верит каждому слову «диссидентов» и закрывает глаза на все то странное и непонятное, что связано с их движением».

Книга Эдуарда Кузнецова — показательный случай. Без убедительного объяснения обстоятельств ее создания, повесить в распространяемую из Москвы версию ее составления в советской тюрьме приговоренным к расстрелу человеком совершенно невозможно.

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

